

ПРОЛОГ

Ad infinitum¹

Тусклые, мертвые огни. Последние силы покидают меня, но я иду — медленно, словно боясь оступиться. Струями ледяной воды дождь низвергается с усталого, прильнувшего к земле небосклона.

Осенняя ночь непроглядна и холодна, особенно перед рассветом. Вокруг — пустота. Я не узнаю этого Города... Где я, как я здесь очутился? В сгустившемся сумраке едва различим призрачный Мост, за ним — полуразрушенный замок. Воздух искрится прозрачным сиянием, далеким и равнодушным.

Шум проезжающих машин, экипажей; сигналы, гневные окрики пьяных извозчиков — должно быть, я иду по дороге. Внутри — угрызения совести, взявшиеся из ниоткуда. Я знаю, что где-то ошибся; возможно, потерял шанс — но сожалеть уже поздно.

Впереди силуэт; с каждым шагом он разрастается, углубляется, становясь живее и ярче. Похоже, это лишь человек, который не торопясь, словно в замедленной съемке, выползает из темной, грязной машины, будто из огромного, бледно-искривленного существа — полого, железного, ненасытного.

Что он кричит? Городская стража? Полиция? Кавалергарды? Глупо! Они ему не помогут... Да и зачем? Разве я похож на преступника?

Покачиваясь, еле держась на ногах, я стараюсь его рассмотреть — тщетно! Впрочем, что-то внутри меня шепчет, что в этом нет более смысла.

Я останавливаюсь. Мир передо мной рассыпается, рушится, дребезжит и, опадая осколками, уносится в вечность... Абсурдные, нелепые образы. Неужто я пьян? Вряд ли — не помню, чтобы такое случилось.

---

¹ До бесконечности (*лат.*).

Небосвод прорезает молния, озаряя свинцовые лики зданий; они тянут ко мне свои кривые, лианоподобные руки.

А человек все не оставляет в покое. Кричит, как сумасшедший. Кто он? Квестор, эдил, случайный прохожий? Не в меру ретивый гвардеец, соглядатай, стоящий у меня на дороге? Я пытаюсь подойти, подползти ближе — но это оказывается не так просто...

Нужно успокоиться, немного подумать. Сосредоточиться. Ржавые шестеренки мыслей со скрипом крутятся у меня в голове. Разум застыл; в душе — пустота, сознание загнано в клетку. А дождь все льет, не прекращаясь ни на секунду.

Надо мной простерты кроны деревьев. В полуголых ветвях я вижу сморщенные, запутавшиеся воздушные шарики. Лица, нарисованные на них, улыбаются мне страшным оскалом, подмигивают, кривляются, дразнят; глаза их ярко горят во мглистой тьме ночи. Я усмехаюсь: «Хорошо! Я заслужил... А теперь — пошли прочь!»

Испуганные, а может — влекомые дуновением ветра, шарики, крича и стеля, устремляются в грозное, пунцово-черное небо.

Человек уже близко, он — на другой стороне улицы. Еще пара шагов, и я буду у цели. Вода прибывает, идти становится тяжелее. Ноги не слушаются; кажется, я вот-вот упаду. Выдыхаясь, чувствую колкие капли дождя на голой, оледенелой спине, на трясущихся, тонких, что плети, руках, на ладонях, покрытых коростой и грязью.

Вновь вспыхивает молния, гром разрывает барабанные перепонки — и на мгновение я вижу окружающий мир до безумия ясно: темную улицу с крадущимися, прячущимися по углам тенями; перевозанный страх, застывший в глазах человека; его жалкое, вымокшее насквозь одеяние. Трепещи — я уже близко!

Тот, кто минуту назад рискнул бросить мне вызов, обращается из волка в объятую ужасом жертву. Стремглав он несется обратно к автомобилю, пытаюсь завести ржавый мотор и не замечая, что тот и так работает на всех оборотах. Скрежет, пронзительный лязг старого, дребезжащего металла — и машина резко срывается с места. С разбитыми, выцветшими фарами она похожа на череп, зияющий пустыми глазницами.

Я улыбаюсь. Никто более не беспокоит, не кричит, не пытается навязать свою волю. Все хорошо. Однако внутри нарастает тревога, пугающее, непостижимое чувство, будто я забыл нечто важное — то, чего ни в коем случае нельзя забывать. Тихий, вкрадчивый голос шепчет мне странные, лишённые смысла слова: «Снова... Снова ты здесь! Как и было обещано... Начинай все с начала». Но ше-

пот растворяется в сумраке ночи, а за ним блекнет, исчезая, и сама мысль — и вновь я бесцельно бреду по дороге.

Позади меня шорох. Раскаты грома разрывают сонную тишину беззвездного неба, но даже среди них я отчетливо различаю дыхание — частое, громкое, возбужденное. Инстинктивно я оборачиваюсь, и смутный силуэт мгновенно проскальзывает подле меня, исчезая за непроглядной пеленой дождя и тумана. Все, что я успеваю заметить, — лишь темную, взъерошенную шерсть да оскаленные клыки с алой, застывшей на них кровью; но это не более чем видение, морок, игра беснующегося, больного воображения. Я знаю: призраков и чудовищ не существует. Конечно, кроме нас с вами.

Все плывет перед глазами. Небо, серое, с проблесками молний, где-то далеко, за домами; огни грязных предместий, утопающих в боли и испражнениях; небрежно проложенная мостовая, разбухшая от воды и тяжелых колес экипажей; деревья, сгорбленные и искривленные — в адском хороводе они пляшут подле меня, то и дело завывая порывами ветра.

Голова кружится — потеряв равновесие, я падаю на брусчатку. Вода проникает глубоко под одежду. Холод... С трудом поворачиваюсь на бок — наверное, так будет легче. Ладонь мелко дрожит. Присматриваюсь — на ней кровь. Моя или чужая?

Я пробую встать — иначе конец: умру, утону, замерзну посреди пустынной дороги. Рука на земле: мостовая словно живая; она смотрит на меня своими бездонными, ледяными глазами; режет взглядом, проникая под кожу, пронизывает насквозь острыми, что отточенное лезвие, когтями. Цепляется, пытается меня удержать... Но я поднимусь — хочу жить, и желание мое равносильно закону!

Вдали что-то сверкает, горит, становясь все ближе и ближе. Наверное, это спасение. Не могу же я сдохнуть здесь, как собака, в самом сердце призрачного, потустороннего Города?

Как замороженный, смотрю на приближение света. Я ждал его нисхождения всю свою жизнь...

Что? Нет!.. Машина... Удар! Ребра хрустят и ломаются, как кости на скотобойне. Все вокруг замирает, в глазах — темные пятна; они растут, поглощая остатки сознания; смеясь, прогрызают, разрывая его изнутри.

Я не в силах пошевелиться. Неужели все? Кажется, я умираю... Нет, я не опущусь до такой низости: смерть — это слишком банально. Разве могу я быть побежден, могу валяться здесь, подобно слабому, бессильному существу, не способному совладать с собственным телом? Ни за что! Я отрекаюсь, я требую жизни!

Холод и тишина уже рядом — склонились над моим неподвижным, озябшим, искалеченным телом, заглядывают в самую душу. Окружающий мир исчезает — похоже, теперь я один. Один и свободен.

А дальше... Дальше лишь темнота. До конца, до бесконечности. *Ad infinitum.*

ГЛАВА I

Omnia transeunt et id quoque etiam transeat²

Темнота... Есть ли из нее выход? И главное — нужен ли он мне или пришло время сдаться, навсегда остаться здесь, в спасительном уединении, во веки веков сокрытом в звенящей тишине мироздания? Едва уловимый, тихий, застенчивый шепот поет мне дивные песни, призывая смириться, отказаться от тщетной борьбы и ни в коем случае не возвращаться, ибо забвение — это благо, а воля к жизни — утверждение зла и страданий. Но слышу я сквозь чарующую мелодию вкрадчивых слов и напевов и иной голос, что призывает бороться, — глухой, доносящийся будто из запределья, он выносит мне свой суровый, неоспоримый вердикт: возвращение к началу начал неизбежно, и я неминуемо окажусь там, где мне и место.

Но все это вдали — в сумраке пустоты неизвестного мира, куда я одновременно и боюсь, и хочу устремиться. А снаружи доносится сонный, размеренный шорох; странно, он не пугает — напротив, греет меня изнутри. И даже вселяет надежду, что внешний мир по-прежнему существует.

Открыть глаза я пока не решаюсь. Боль пронизывает тело; она караулит у изголовья, не давая уснуть и забыться, то и дело впиваясь в меня ядовитыми стальными клыками.

Может, я давно умер? Может, это ад, преисподняя, подземное царство — и стоит лишь пошевелиться, выдать наличие мысли, мельчайшей частички сознания, как я тут же окажусь в языках пламени и геенна огненная с улыбкою примет меня в свои распростертые, пылающие жаром объятия?

Но что это? Кажется, я слышу тихий, едва различимый смех; спустя мгновение — шепот: «Что вы, Хозяин! Не выдумывайте че-

---

² Все проходит, пройдет и это (*лат.*).

пухи! “Ад — это бесконечное повторение”, а вы пока только в начале...» Вот так и проявляется бред! Подобно змию, он украдкой заползает в больной разум.

Пора что-то делать. Просто лежать, наблюдая, как сознание медленно пожирает себя изнутри, то и дело переступая грань сумасшествия, было бы чересчур безрассудно и... опрометчиво. Странное, нелепое слово, особенно когда речь идет о собственной жизни!

В общем, пришло время решаться: открываю глаза, а там — будь что будет...

***

Вокруг — крошечная тьма, сквозь нее проступают смутные очертания незнакомых предметов. Где я? Дома? Вряд ли! К тому же есть у меня дом или я здесь, в Городе, да и во всем мире, проездом — черт его знает... Воспоминаний моих нет — они будто исчезли.

Может, это больница? Кажется, я чувствую запах бинтов, спирта, древних лекарств и настоек. Пожалуй, это было бы неплохим вариантом. Но все это неважно, ибо главный вопрос звучит иначе. Кто я? Удивительно, но я не знаю ответа. Есть ли у меня имя? Нужно ли оно мне? Что есть я — жив ли, мертв или застрял где-то посередине?

Шорох, дыхание, неразборчивый шепот. Опять. Согревающее чувство, будто я не один. Иллюзия, ничего больше! Не поддаваться! Или?

Тихий скрежет — теперь уже совсем близко. Неужто мне не почувдилось? Что-то мягкое, влажное касается моей онемевшей руки... Боль на мгновение отступает — я резко поворачиваю голову: два глядящих в упор глаза, черная, торчащая в беспорядке шерсть, лоснящееся, слегка тучное тело. Господи! Это собака!

— Да, именно я! Вот мы и встретились снова. — Пес виляет хвостом, улыбаясь необъятной, широко разинутой пастью. Острые клыки красиво сверкают подле моей шеи. — Я Ламассу́, вы — мой Хозяин. Прошу запомнить — ибо мы с вами надолго, если не навсегда. Очень многое предстоит совершить.

— Что... совершить?

Придумать более невразумительный вопрос, наверное, сложно. Впрочем, сама мысль о здравомыслии кажется мне абсурдной.

— Сказал же: многое! Не задавайте лишних вопросов — сейчас вы должны отдохнуть. Да и я, по правде говоря, тоже. А Город будет ждать нашего пробуждения.

— Постой... Что за Город? Где мы? Как мы здесь оказались?

Вздыхнув, Ламассу сворачивается в огромный шерстистый клубок, тем самым давая понять, что разговор окончен, и тихо, сквозь сон, бормочет:

— Интересный Город, можете не сомневаться — он преподнесет немало сюрпризов. Да и мы ему тоже. Всему свое время... Кстати, вы правильно догадались — это Больница. И скоро вам будет явлен первый герой нашей истории — подождите пару минут, он уже на подходе!

Засим, грозно щелкнув зубами, Ламассу засыпает; громкий храп сотрясает стены больничной палаты. Надо же, уснул в мгновение ока — теперь все расспросы бессмысленны.

Между тем предсказание начинает сбываться: я слышу шаги, приближающиеся с каждой секундой. Где-то вдали они гулко разносятся по пустому пространству. Кто бы это мог быть? Страх закрадывается в душу, хотя для этого, казалось бы, нет оснований. Тяжелая поступь, скрип старой двери, шипение зажигаемой масляной лампы. Комната озаряется тусклым светом, и на пороге я вижу его — высокого, полного доктора, смотрящего на меня с любопытством. Не успев пустить корни, страх испаряется.

Мучимый невыносимой одышкой, доктор неторопливо заходит в палату — а точнее, вливается, подобный громадному, стопушечному галеону, доверху нагруженному рыбой и провиантом. И пока он плывет, у меня появляется время осмотреть окружающую обстановку: грязные, обшарпанные стены; повсюду водяные разводы; шкаф с препаратами, сразу под три его ножки подложены куски засаленной ткани; стол; две кровати, одна из них сейчас подо мною; и, наконец, небольшое окно, сквозь которое я вижу Луну, медленно восходящую над утопающим в дождях Городом. Да уж, убранство не очень!

— Конечно, не очень! — просыпается вдруг Ламассу. — Но поверьте, Хозяин, во внутренних покоях Больницы намного приятней. Скоро мы там побываем. Однако для начала вам надо поправиться, восстановить свои силы. А сейчас — проявите уважение к доктору! Возможно, когда-нибудь он возьмет чужие грехи на себя.

И, сладко зевнув, пес переворачивается с левого бока на правый, так и не удосужившись растолковать последнюю фразу.

Тяжело сопя, доктор берет табуретку, сиротливо приютившуюся возле шкафа, и валяжной, шаркающей походкой приближается к моей койке. Расположившись подле нее, он некоторое время сидит молча, словно размышляя, достоин ли я его участия и снисхождения, и затем нехотя, меланхолически шепчет:

— Ничего, пациент, ничего страшного! *Omnia transeunt et id quoque etiam transeat*. Что ж, давайте знакомиться! Как вы, наверное, поняли, я — ваш лечащий врач. Вы меня видели до операции. Узнаете? Нет, нет, не говорите, нельзя, только кивните! — Я отрицательно качаю головой. До какой еще операции? — Понятно, понятно... Тогда еще раз представлюсь: меня зовут Энлиллль, я всецело к вашим услугам.

Доктор изображает нечто вроде поклона или реверанса, немного привстав с жалобно поскрипывающей табуретки. Забавно!

— Впрочем, довольно обо мне — перейдем к вам! Не буду скрывать: ваше положение не из легких. Но я убежден, все будет в порядке — еще пара недель, и вы выкарабкаетесь. Только учтите: вера — это самое главное; коль верю я — обязаны верить и вы сами! Это я как бывший Архитектор вам говорю... — ни к селу ни к городу, словно в насмешку, добавляет Энлиллль.

Доктор пристально смотрит мне в глаза, и я чувствую, как он изучает меня изнутри, выискивая слабости и пороки. Без толку, доктор, так просто меня не раскусишь!

Пара мгновений, и лицо Энлилля — одутловатое, покрытое светлой, колючей щетиной — принимает серьезный, задумчивый вид. Быстрым движением руки он убирает с покрытого испариной лба прядь непослушных, седых, как пепел, волос и, оглядевшись по сторонам, продолжает:

— А теперь пришло время поговорить по существу. Сейчас вы под анестезией, к тому же еще не отошли от наркоза: мысли наверняка спутаны; реальность неотличима от иллюзии, вымысла. Могут появиться кошмары. Однако это не самое страшное, с чем вы столкнетесь.

Видите ли, против вас заведено дело. Процесс — как у Кафки. И очень скоро, вполне вероятно, вас объявят *Hostis humani generis* — врагом рода людского. А это уже не шутки! Это — конец.

Не в силах вымолвить слова, я пытаюсь подняться с кровати.

— Так, так! — резко повышает голос Энлиллль. — Лежите! Никаких лишних движений. Не то придется опять зашивать раны — и на этот раз без наркоза. Как вам сия перспектива?.. То-то же! И прекратите немедленно ерзать — здесь вам не брачное ложе, чтобы трепыхаться, подобно селедке. — Да уж, мастер метафор. Bravo! Даже Ламассу, похоже, слегка улыбнулся. — Молодой человек, я вижу: вам непонятно. Что ж, постараюсь объяснить все по порядку. Слушайте — и не перебивайте!

Сегодня на рассвете, еще затемно, произошла авария: на перекрестке набережной Гиамат и улицы Скорпиона вас сбила машина.

Точнее, не сбила, а слегка задела по касательной — вы уже лежали под дождем, прямо посреди дороги.

Энлилль на несколько секунд умолкает и выжидающе смотрит на меня исподлобья. Тягучая, необъяснимая пауза... Так и не дождавшись ответной реакции, доктор вздыхает, обводит палату недоумевающим взглядом и, как ни в чем не бывало, продолжает свою печальную, заунывную песню:

— Водитель машины — именно он вас сюда и доставил — громко причитал, плакал и едва не помутился рассудком. Впечатлительная натура! Впрочем, его можно понять: вы были бледны, как смерть, истощены — кожа да кости, истекали кровью, не могли стоять на ногах, дрожали всем телом. Я пытался достучаться до вас, узнать имя, выяснить, что случилось. Без толку! Все, чего я сумел добиться, — лишь признания, что вы ничего не помните и не знаете, как здесь очутились. Причем здесь — это не только в Больнице, но и в Городе, мире, Вселенной. А затем начался бред, что-то бессвязное: «Зоар, письмо, Ригель, грифы, Венера, животная ипостась вечности» и тому подобные вещи... В общем, операция требовалась безотлагательно!

Ну, я ее и провел — и, без ложной скромности, гениально! Трепанация черепа, а вы до сих пор живы! Это ли не искусство? Предупреждаю: коньяк и конфеты я не беру. От вас мне нужно иное — а именно история всей вашей жизни. Поверьте, для меня это очень важно! Почему? Сказать не могу, но — даю слово — вас это не касается. Вот и хочу спросить: вы действительно ничего не помните? Я не суд, не Великое следствие, не церковь — епитимью налагать не намерен. Так что можете быть откровенны. Скажите, что произошло этой ночью?

Я закрываю глаза. Разве могу я что-то ответить?

— Эй вы, эскулап! Вы что, не видите — он ничего не помнит. А если б даже и помнил, сказать был бы не в состоянии, — неожиданно вступает в разговор Ламассу. — А то развели тут: «Откуда мы пришли? Кто мы? Куда мы идем?» Не до ваших вопросов, отстаньте!

Энлилль недовольно морщится.

— Ваш питомец плохо обучен. Капризный, избалованный и неугомонный. Как выйдете из Больницы, займитесь его дрессировкой!

Не знаю, почему вы молчите. Действительно ничего не помните или лишь притворяетесь? Если второе, то пеняйте на себя, ибо врать мне — значит рисковать своей жизнью. В конце концов, вы в госпитале, и неточный диагноз может свести вас в могилу.

И при словах сих блестящие, темно-синие глаза доктора начинают менять цвет, будто наливаясь обжигающей кровью. Что это — угроза или предостережение? Я смотрю на Ламассу: он абсолютно спокоен. Прекрасно! Доверюсь его инстинкту — видимо, пока все в порядке.

Между тем Энлилль продолжает:

— Позвольте, я кое-что расскажу. Судя по легким травмам рук, ног и ребер, скорость машины была относительно невысока. О том же сообщил и водитель: весь в слезах, полуживой от страха, он клялся, что ехал не быстрее экипажа. Еще бы — туман, гроза, ливень, видимость нулевая. И знаете — я ему верю!

Да вот незадача: наряду с мельчайшими ссадинами и переломами, у вас была диагностирована тяжелая черепно-мозговая травма — та самая, которая и заставила меня в срочном порядке приступить к операции. И самое главное — травма та была получена за час-два до аварии, что, согласитесь, выглядит странно. Но и это не все! Есть вещи куда более дикие...

Доктор встает с табуретки и начинает в волнении ходить по залитой багряным светом палате. В окно тихо и размеренно стучит дождь — погода и не думает улучшаться. Я слышу отдаленный шепот застывшего в ожидании Города; слышу, как голодные собаки протяжно воют на кровавую, подернутую дымкой Луну; вижу их оскаленные пасти, чувствую дыхание, что обдает меня пламенным жаром. Вдали мне чудятся крики чаек, кружащих над бурным, вздыбленным океаном.

Слова доктора медленно и необратимо погружают меня в полудрему; веки тяжелеют, я проваливаюсь дальше и глубже — в ничто, пустоту, сладкую пропасть забвения и отрешенности...

— Пациент, я не закончил! — Громовой голос Энлилля возвращает меня к реальности. — Спать пока рано! Слушайте до конца! Тем более в ближайшие дни вам предстоит разговор не со мной, а с представителем Великого следствия. Быть может, с самим Дунканом Клавареттом или даже Деменцио Урсусом. Почему? Сейчас все поймете.

Когда вы поступили к нам, крови было целое море. Она была буквально повсюду: на руках, лице, на одежде — да что уж там, практически на всем теле. И притом вы были насквозь мокры — соответственно, часть крови должна была смыться. Уже тогда мне показалось, что ее, пожалуй, чересчур много. Одна серьезная травма не могла дать столь обильного кровотечения — уж поверьте моему более чем двухтысячелетнему опыту. Вот тогда я и понял, что здесь не все чисто.

А дальше... дальше... Я взял анализы — и, как думаете, что я обнаружил? А, пациент? Ну же, смелее — один ответ, и будете спать целую вечность!

Пораженный страшной догадкой, я молчу и стараюсь не шевелиться. Ламассу успокаивающе кладет теплую мохнатую лапу в мою дрожащую, потрескавшуюся от воды руку.

— Все нормально, Хозяин! — тихонько шепчет он мне — так, чтобы не слышал доктор. — Не бойтесь! Просто молчите, ни единого слова — и вскоре он сам узнает всю правду. Наше вмешательство будет излишним.

Энлилль грустно вздыхает.

— Понятно. Отвечать не хотите... Что ж, тогда слушайте: на вашей одежде, теле, руках — в общем, везде — были обнаружены следы чужой крови. Да что там следы — реки, океаны чужой крови! — Голос доктора крепнет; глаза его становятся чернее и глубже. Возможно, дело в тусклом, мерцающем свете, а может, здесь нечто иное... — Пациент, есть еще кое-что. Я обнаружил мельчайшие фрагменты легочной и мозговой ткани. А, какково? Понимаете, что это значит? Нет? Так я поясню: у вас нет травмы легких, да и мозг ваш тоже не пострадал — повреждена лишь костная оболочка. А отсюда простой вывод: эти частицы принадлежат кому-то другому, и этот другой, скорее всего, уже сутки как мертв, ибо травмы легких и мозга — даже по отдельности — почти всегда безнадежны. Хотя, конечно, чудо возможно... А потому мне необходимо ваше признание: кто вы — жертва или убийца? Что произошло прошлой ночью? Где тот несчастный, чье бездыханное тело мокнет сейчас под дождем? Не молчите — вдруг его еще можно спасти!

Ужас сковывает тело — неужто я и вправду виновен? Разум отказывается верить: ведь я же здесь, и я себя знаю — разве могу я кого-то убить? Или?.. Нет, надо гнать от себя оные мысли — я ни при чем!

— Вы вообще врач или кто? — жутко разевает пасть Ламассу, лаем своим сотрясая стены палаты. — *Noli nocere!*³ Так вам понятней? Ступайте к себе в каморку — разговоры будем вести позже! Вы что, не видите, что ему хуже? Будете спорить — перегрызу глотку!

И это не шутки — Ламассу настроен серьезно.

Энлилль молча кивает — в глазах его не видно ни страха, ни злости; лишь печаль и сомнение.

— Да, вы правы! Молодой человек, простите, я не сдержался, не имел права давить на вас в таком состоянии. А теперь спите...

---

³ Не навреди! (*лат.*)

Через несколько дней мне придется пустить к вам представителя Дворца или Великого следствия. Готовьтесь — будет непросто!

Доктор подходит ближе и вводит что-то пьянящее мне в вену. Тихо, словно по-отечески, шепчет:

— Обезболивающее. Станет полегче. Держитесь! Сосредоточьтесь на том, чтобы выжить — все остальное неважно. Будут кошмары, примите это как данность. Галлюцинации, страхи — ничего не поделайте. Скоро в палату привезут второго больного. Не бойтесь! А теперь, пациент, я вас оставлю. Мне пора. Выздоровливайте! Мы обязательно увидимся.

И Энлилль, крадучись, подобно тени, выскальзывает из палаты; кажется, он парит в воздухе — но это, конечно, только иллюзия...

Где-то вдали я слышу тихий, нечеловеческий голос, что нашептывает мне страшные вещи: *«Разве это ужасно, что вы все позабыли? Ужаснее — помнить. Не бойтесь встретить внутри себя чудовище? Оставьте, как есть — и обретете свободу...»*

Слева от меня шорох.

— Спи спокойно, Хозяин. — Ламассу заботливо поправляет на мне одеяло. — Ночь будет долгой.

И я засыпаю.